

УДК 882

**РАССУЖДЕНИЕ О «ЗАЧИНЕ»
(Еще одно погружение в загадочный текст «Слова о полку Игореве»)**

© Владимир Георгиевич РУДЕЛЕВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор-консультант кафедры русского языка,
заслуженный работник высшей школы РФ,
член Союза российских писателей, e-mail: ifg06@mail.ru

Текст «Слова о полку Игореве» был создан в конце XII в., первоначально не записывался, а проносился устно, затем стал записываться, и это привело к значительным искажениям первоначальных смыслов. Из того, что удалось вернуть к исконному состоянию, стало ясно, что захватнического, грабительского, удалого похода северского (Новгород-северского) князя Игоря Святославича на половцев (1151–1202) не было. Князь Игорь вышел из Путивля по договору с половецким ханом Кончаком Атраковичем на встречу с последним для совершения совместного похода в древнюю русскую православную столицу Тьмутаракань Азовскую на предмет освобождения ее – в силу важнейших стратегических целей и на основании византийских документов, свидетельствующих о праве Игоря Святославича на Тьмутараканский княжеский престол. Союз половецких ханов, возглавлявшийся ханом Исайей (Гзой, Гзаком), уговорил (или заставил!) Кончака нарушить договор с Игорем о походе по освобождению Тьмутаракани, и на месте встречи Кончака с Игорем русского князя и его войско встретил воинственный отряд половцев, который спровоцировал столкновение и заманил русских воинов в непроходимое болото, откуда они вышли, побросав под ноги обильные трофеи, которыми их половцы соблазнили, и теперь пожинали плоды победы. А далее был плен и побег из него, который устроил Кончак, зная, что Игорю грозит неминуемая гибель. Таков конец грустной рыцарской истории, достойной самых изысканных поэтических воплощений, и таковые были совершены двумя рыцарями слова, в числе которых был одареннейший ученик легендарного Бояна, его друг и брат (через Время!) князь Владимир Ярославич Галицкий, прозванный Ходыной, брат юной супруги Игоря-князя Ефросиньи Ярославны. Это был не только великий поэт, равный по таланту несравненному Бояну. Это был еще прекрасный знаток русского языка и русской национальной народноправославной культуры, понесшей несомненный ущерб от влияния древнеболгарской письменности и традиций, связанных с идеями богоборчества, задержавшегося в Болгарии на некоторое время после победы над ним в Византии. Исследуется только часть «Слова о полку Игореве», но это – самая важная его часть, – традиционный «Зачинь», в котором изложены правила поэтических композиций в духе гениального Бояна. Эти правила позволили великим авторам «Слова» *Лавру* и *Ходыне* (Владимиру Ярославичу Галицкому) в небольшом участке поэтического пространства уместить огромное историческое полотно, полное гениальных осмыслений, равных самым великим осмыслениям, известным в мировой литературе.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; князь Игорь; хан Кончак Атракович.

Настоящая работа является продолжением и развитием идей, обозначенных в двух предшествующих статьях автора [1; 2]. Развивается, в частности, мысль об отсутствии у новгород-северского князя Игоря Святославича (1151–1202), героя «Слова» (или «Песни»), каких-либо захватнических или грабительских целей по отношению к своему союзнику, другу (побратиму) и свату Кончаку Атраковичу и его половецкому населению [3]. К началу «похода» Игоря Святославича на Кончака Атраковича в гостях у последнего находился пятнадцатилетний сын Игоря Святославича Владимир Игоревич, который готовился к свадьбе с дочерью Кончака Атраковича Свободой Кончаковной. Разумеется, Игорь Святославич должен был присутствовать на этой свадьбе, а не воевать с тестем своего сына и отцом невестки: такое событие было бы абсолютно безрассудным

и нелепым, ненужным и до ужаса опасным. И все-таки оно – произошло...

Однако не воевать шел князь Игорь с ханом Кончаком в 1185 г. Он шел на соединение с половецким ханом, чтобы двумя полками двинуться на бывшую южную столицу Руси Тьмутаракань Азовскую, давно уже оторванную от Русской земли, и трудно даже сказать, кому из двух названных героев нужна была больше южная православная русская столица – русичу Игорю или половецкому Кончаку. Но Кончак Атракович без помощи Игоря Святославича провести свое тьмутараканское дело не мог вовсе: русский князь был наследником Тьмутараканского стола-престола, на котором сидел с 988 г. его далекий пращур князь Мстислав Владимирович (ум. в 1036 г.). К Тьмутараканскому столу был причастен также дед героя «Слова» мятежный князь Олег Свято-

славич, прозванный Гориславичем (ум. в 1115 г.). Среди государственных документов, хранимых северским князем Игорем, могли еще сохраняться документы (византийские грамоты), подтверждающие право на владение Тьмутараканью дедом Игоря Олегом Святославичем и каким-то образом подтверждающие наследственное право на Тьмутараканский престол Игоря Святославича.

И вот – случилось совершенно невероятное: хан Кончак предал князя Игоря, и произошло сражение русских воинов с половцами и пленение русского князя. Иудино действие Кончака Атраковича, в общем-то, произошло не по его вине, а по вине иных половецких ханов, более всего – Исаяи (= Гзы = Гзака). Но оно – произошло...

В настоящей работе события 1185 г. рассматриваются не так, как в Русской Летописи, и они подчиняются иной логике – логике **художественного текста**, каковым является «Слово о полку Игореве»; и там князь Игорь – совсем иной герой, более интересный и содержательный, чем летописный. Наша мысль может быть усилена предположением и открытием того, что «Слово о полку Игореве» – не просто художественный текст, оно произведение – гениальное, равное, допустим, «Тихому Дону». С этого мы и начнем *наши* основной (исследовательский) текст. И только продолжением сказанного будет рассуждение о «Зачине» – это самая главная часть нашей работы.

Имена и термины: Северский (Новгород-Северский) князь Игорь Святославич; его героический брат Трубчевский и Курский князь Всеволод Святославич, богатырь-ам-бидекстр, наследник невероятной физической силы и отваги легендарного пращура Мстислава Владимировича; половецкий хан Кончак Атракович (Отрокович) и его дочь Свобода Кончаковна; жених, а позже муж Свободы Кончаковны, сын князя Игоря Владимир Игоревич; предполагаемые авторы-сказители «Слова о полку Игореве»: Лавр и Ходына (князь Владимир Ярославич-Осмомыслович); Троицкие и Богордичные стяги русских воинов; щиты, помеченные православными (Троицкими) крестами («*чюрами*»); коварная тактика половецких воинов, заманивших русских воинов в непроходимые болота; пленение князя Игоря и бегство его из плена; композиция и содержание «Песни (слова) о полку Игореве», в которой «*Зачин*» играет важнейшую роль...

*

Текст «Слова о полку Игореве» занимает в «энциклопедии», посвященной этому замечательному памятнику русской письменности, чуть больше 5 страниц, а сама «Энциклопедия» [4] составлена из 5 томов различных статей о реалиях, представленных в

«Слове», об их реконструкциях (конъектурах), об осмыслении таких реалий и о лицах (ученых, писателях и пр.), которые подобными опытами занимались. Какому-либо среднему, малозначащему произведению пяти томов более чем достаточно, даже много. А вот «Слову о полку Игореве» придется бесчисленное количество раз еще дарить новое и новое. И – не прибавляя, может быть, а изменяя, снимая конъюнктурное, поверхностное, ошибочное, идущее от невнимательности и, самое главное, – от грустной печати эпох.

Внимательное и неоднократное чтение «Слова» заставляет не только отмечать события и каждый раз улавливать то, на что раньше и не обращалось внимания. Чтение заставляет ставить вопросы и отвечать так, чтобы в ответах было связано друг с другом как можно бо́льшее число фактов. Вот, например, такое событие: Игорь-князь выходит с войском из Путивля, и вдруг – начинается солнечное затмение. Частичное, впрочем, затмение. Но оно – Божье знаменье, своего рода – запрет. Надо отменить поход. А Игорь похода не отменяет. Почему он так поступает? Настоящего ответа на этот вопрос еще никто, кажется, не давал. Или – отвечали банально, наспех: *храбрый-де, безумно храбрый был князь Игорь, ненавидящий врага...* В опере «Князь Игорь» А.П. Бородина (либретто создавал сам композитор) главный герой поет:

*И бранной славы пир веселый,
Мою победу над врагом
И бранной славы горестный конец...*

В «Слове о полку Игореве», если читать внимательно, герой не такой. Если бы он говорил, что Божье знаменье заставило его отсрочить и даже вовсе отменить поход, то он должен был бы сказать или подумать и о том, что это привело к тому, что он нарушил клятву о времени встречи с Кончаком – честную и строгую *рыцарскую клятву*, И герой «Слова», а не оперы «Князь Игорь», подавляя всякий страх, идет, ведя свое войско к обозначенному месту встречи с половцами, и видит подходящих к месту встречи половцев. Они продвигаются болотными, мокрыми («*неговыми*») дорогами (в тексте «Слова» подано: «*неготовами*»), и это очень смущало А.С. Пушкина: великий поэт чувствовал здесь ошибку, фальшь)... Но именно эта

ошибка привела к неправильной мотивации движения войска Игоря (якобы чисто грабительского движения!) в сторону половецких поселений ([5]).

Храбрым *русичам*, оказавшимся чуть позже в болотной непролазной грязи, нужно было как-то выбраться на сухие места, но это стало невозможно: они не знали *неговых* дорог. А половцы эти дороги знали прекрасно и даже провели по ним скрипящие телеги с драгоценным добром. Этим добром русских воинов затеяли смутить, ввести в азарт. Но воины Игоря держались крепко, не идя на соблазн. И только когда уже явные враги, а не друзья, в святой пятничный пост начали бесчинствовать, оскорбляя святые кресты на русских военных щитах и стяги-иконы с обликами Спасителя Христа и особенно Пресвятой Богородицы Марии, русичи не выдержали и бросились на половцев, побежали за врагами, отнимая трофеи. А половцы (это были, скорее всего, не воины Кончака, и у них были другие ханы-полководцы) побежали все дальше в глубь болот, где русские начали тонуть, спасаясь тем, что бросали под ноги трофейные шубы и одеяла, плащи и ковры. Вот она – тайна русской удали и буети и ответ на вопрос: почему это русские воины Игоря были столь безрассудны, что все трофейное добро, словно пьяные, утопили в грязной Каяле? Зато какая «победа»! И князь Игорь в прекрасной опере А.П. Бородине вполне соответственно поет: *«И бранной славы пир веселый...»*.

Завершая разговор о *«бранной славе»* Игоря и отсылая в поисках дополнительных сведений об этом событии к нашей статье 2011 г. [2], хочется сказать, что наши коррективы в «Энциклопедии» о «Слове», касающиеся образа князя-героя Игоря (Георгия) Святославича, принесли бы большую пользу изучению, осмыслению и оценке выдающегося произведения древнерусской художественной литературы (в ее самой тонкой, амбивалентной отрасли – эпической поэзии) и позволили бы представить персонажей еще очень далекого до полного понимания, несомненно, гениального древнерусского текста как наиболее ярких героев Времени (термин профессора П.А. Гончарова [6]).

*

Еще бо́льшая коррекция, однако, требуется для адекватных представлений Божественных пространств в тексте «Слова о полку Игореве». Как ни странно, до сих пор преобладает атеистическое (!) представление «Слова» как текста, насквозь пропитанного языческими символами и совершенно не отражающего существовавшего в XII в. на Руси православного христианства. Если бы такое действительно происходило, то было бы потрясающе парадоксально. В нашей статье 2013 г. [2] перечисляются многие православно-христианские монастыри на Северной Русской земле, довольно старые для XII в., и целый ряд чудотворных Богородичных икон, чтимых до нашего времени. Здесь мы обсудим только два факта, касающихся т. н. язычества в «Слове». Во-первых, некорректную (тенденциозную) во многих отношениях подачу лексического материала в «Энциклопедии» о «Слове», а во-вторых, явное непонимание и нежелание осмыслить материал «Слова», отражающий чтимые и выносимые на стяги Богородичные облики или символы, замещающие эти облики, которых немало. Относительно первого приведем только один пример из множества аналогичных, когда явно православно-христианское имя подается исследователем как языческое. Ср.: «Дажьбог (Даждьбог) – языч. божество вост. славян...» [4, т. 2. с. 79] (статья Л.В. Соколовой). Слабая компетенция автора статьи или его очевидная идеологическая заряженность проявляются, прежде всего, в отнесении формы *«Даждьбог»* к числу восточнославянских. В действительности это южнославянская, древнеболгарская и, главное, – церковнославянская форма выражения *«Богъ даждь»* <Дай, Бог>, цитаты из православно-христианской Господней молитвы *«Отъче нашъ...»*, самой главной молитвы русских православных христиан. Народный, чисто русский вариант – *«Богъ дажь»*. Ну и, конечно, якобы «языческий» характер этого имени, его мнимая семантика и парадигматика! – они просто немыслимы, поэтому и не проявляются никак, не подтверждаются каким-либо любопытным контекстом.

Кроме явных фальсификаций, подобных только что рассмотренной, создаваемых ради придания «Слову о полку Игореве» характера насквозь языческого, отметим стремление недавних исследователей «Слова» все *неяс-*

ное в этом тексте истолковать какими угодно внутренними формами, только не православно-христианскими. Последнее особенно ярко проявляется в случаях описания православных стягов-икон, несомых воинами князя Игоря в предпринятом им походе. Больше всего здесь, как мы убедились, имен и представлений Богородичных образов. Ср., например, загадочную фразу о 4-х солнцах, которые хотят «*прикрыти черные тучи, идущие с моря...*». Кем только не заполняют исследователи «Слова» загадочные «солнечные кружочки», неприятные для половцев-несториан, противников православного христианства, исследователи «Слова», каких только русских князей не вспоминают. А князья здесь ни при чем! «*При чем*» здесь четыре кружочка-глазка (слева – два и справа – два), соединенные попарно скобочками, как в глаголической букве *Мыслеть*, имевшей, в силу разных причин – особенно из-за иконоборческой ереси (717–842 гг.), не только фоническое значение <т>, числовое <40>, но и божественное <*Пресвятая Богородица Мария*>. Описанная Богородичная икона, несомая воинами князя Игоря, сохранилась как каноническая с именем «*Всевидящее Око Божие*» до наших дней [2; 7]. На другой, необыкновенно загадочной Богородичной канонической иконе «*Прибавление ума*» [7] кружочки-глазки слева и справа *Мысленного* (<*Молитвенного*> *Дерева-Ели*) превращены в четырех ангелов. Думается, что и четыре молодых князя-ангела в «Слове» – великолепный троп, который естественен в «Слове о полку Игореве». Богородичные образы «Слова» скрываются за божественными словами *Дева-Обида* (ср. современную очень редкую икону «*Покрый нас кровомъ крилу твоею*») и *Карна и Жьля* (ср. икону «*Всех скорбящих Радость*»), а также Богородичную молитву со словами «*Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим...*» [2]. Но даже в обыденном слове «*Холм*» (*Хльмъ* и *Хьлмъ*) светится Богородичный образ, представленный округлой буквой с именем «*Хльмъ*» (<*холм*>, <*гора*>, <*горка*>. Ср. иконы «*Тучная гора*», «*Несекомая гора*», праздник «*Красная Горка*» и даже свадебный крик «*Горько!*», когда *молодым* на свадьбе положено поцеловаться, а гостям разрешено выпить первую рюмочку [2].

Вот вам – и *языческое* «Слово о полку Игореве»! Ничего, якобы, христианского,

кроме упоминания «*Богородицы Пирогощей*» (= «*Пирогорящей*» = «*Неопалимой Купины*»)...

*

Но вот мы, наконец, имеем возможность и полное право обратиться к той части исследуемого текста, которая условно называется словом «*Зачинъ*» [4, т. 2, с. 215-218]. Большинство из обильных рассуждений о «*Зачине*» в «Слове о полку Игореве» разбивается и становится смешным, нелепым, если не отказаться от идеи о том, что союз «*а*» в тексте «*Зачина*» и далее во всем «Слове» имеет <*противительный*> смысл, как в современном русском языке, ведь тогда закономерно переводить фразу «...*а по замышлению Бояню*» как отрицание *надоевшего* Бояня с его *архаическими словесами* и переход на новый язык изложения – в «*духе былин сего времени*». Тогда и фразу «*Княземъ – слава а дружине – Аминь*», до ужаса нелепую, придется считать вполне корректной. А на самом деле она корректна только тогда, когда понимается как: <*Княземъ – слава и дружине. Аминь*>. И так – во многих случаях «Слова» (об этом может быть особый разговор!). Разумная продуктивная мысль о <*соединительном характере*> союза «*а*» в «Слове», как, например, в западнославянских языках (чешском, моравском, словацком), которая приходила на ум не только А.Л. Никитину, талантливому и смелому исследователю «Слова» [4, т. 3, с. 311-315; 8], меняет многое в понимании «Слова о полку Игореве», особенно – в «*Зачине*», где чрезвычайно важной является фраза со значением: <...*по былинам сего времени и – по замышлению Бояню*>.

*

Однако теперь начнем непосредственное рассуждение о «*Зачине*». Он начинается с фразы:

*Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие,
начати старыми словесы
трудныхъ повѣсти о пълку Игореве,
Игоря Святъславича?..*

Имперфект глагола *быти* в этой фразе никак не может быть увязан с будущим временем (см. на этот счет у В.В. Колесова [9, с. 280-283]). Значит, не «*Зачинъ*» это и не начало «Слова» или «Песни», а что-то вроде

интерлюдии, вынужденной остановки текста – перед тем, как он будет скорректирован и продолжен. Первый Певец (сказитель, «импровизатор» Слова») вынужден был прервать свое творческое пение, которое слушателям не понравилось, не пришлось по каким-то причинам по душе. Причины-то в общем ясны: Первый Певец начал петь о походе Игоря *старыми словесами*, на старом русском сказительном языке, на смену которому трудами Владимира Великого (ум. в 1015 г.) в 988 г. или чуть позже – в 989 г., вместе с новым христианством пришел из Болгарии церковнославянский язык, заметно креолизовавший тогдашний русский. По нашим рассуждениям, христианство на Руси существовало задолго до крещения 988–989 гг. [1; 2], и письменность на Руси была – *глаголическая*, обретенная Константином Философом (~827–869) в Хазарии и поставленная им выше его собственной славянской азбуки, называемой после смерти великого просветителя славянских народов *кириллицей*. Причина замены *глаголицы кириллицей* крылась в том факте, что в глаголице буквы (по крайней мере – некоторые) имели, помимо фонических и числовых значений, еще и сакральные: имена *Бога Отца, Бога Сына, Бога Святого Духа и пресвятой Богородицы Марии*, т. е. были иконами, долгое время, кстати, тайными, – благодаря иконоборческой ереси (717–842 гг.). В Болгарии, из-за трудов Горазда и его соратников, упомянутая ересь процветала долгое время и после 842 г. На Руси рефлекс старой русской азбуки глаголицы (она же, видимо, – письмо *чертами и рѣзами*) проявляются, в частности, в церковной архитектуре – т. н. русском *Барокко*, при котором верх церковного храма венчает 5 куполов, из которых средний тождественен букве «Слово» (<*Иисусъ Христосъ*>, а четыре боковых – букве «Мыслеть» (<Пресвятая Богородица Мария>).

Последнее интересно в том плане, что где-то и в чем-то и после конца X в. консервируется и находит способ сохраниться старохристианский православный стиль: прежде всего, в незатронутом древнеболгарской креолизацией русском языке; далее, видимо, в системе старинных православных образов, их именах и способах подачи на иконах-стягах и просто на иконах; наконец, в предпочтительности одних и запрете других об-

разов, и символов, и молитв, Киевское и новгородское почитание православных икон, например, характеризовалось выдвиганием на первый план Всевышнего Бога Отца и почти полным запретом образа Святого Духа, т. е. редукцией Пресвятой Троицы, глубоко почитаемой на Северной земле и в Тьмутаракани Азовской. Видимо, взбунтовавшихся слушателей Первого Певца могли удивить и обидеть как старые православно-христианские языковые конструкции, так и преодоление запретов на некоторые бытовавшие в прошлом и неизжитые Певцом образы, с которыми киевский князь Владимир Святой расправился жутчайшим образом – как с языческими кумирами, а они таковыми не были [10].

Когда академик С.П. Обнорский (1888–1962) в 1939 г. обнаружил в «Слове о полку Игореве» древнейший, не подвергнутый никакой церковнославянской креолизации настоящий, не замутненный русский язык [4, т. 3, с. 335–338; 11], он совершил несомненный подвиг, который чуть позже был оценен по достоинству. Видимо, такой же подвиг совершил и его неведомый (пока что!) предшественник в XII в. (Первый Автор-сказитель), когда создавал, импровизируя, для своих слушателей, северских людей, принимавших участие в походе Игоря-князя или не принимавших такового, «Песню-слово», столь любимую в последующие века. Да, его почему-то невзлюбили слушатели. Но ведь и академика Обнорского возлюбили не все и не сразу, и академиком он стал чуть позже. Такова судьба гения...

Но мы попробуем отгадать имя далекого Автора – новатора поэтического ремесла XII в. Это, несомненно, был участник печального Игорева подвига. Автор настоящей работы хорошо представляет его несущим главный стяг похода – образ Пресвятой Богородицы, на котором, помимо облика Святой заступницы русских людей, был и Ее тайный для своего времени (717–842 гг.) знак – глаголическая буква с именем «*Хълмъ*» (ц.-сл. *Хълмъ*; диал. др-русс. **Шеломъ*, **Шеломя*):

О Руская земле! Уже за Шеломенем еси

Автор настоящей работы представляет себе и общественную роль, звание Первого певца-сказителя. Это был, судя по всему,

боярин князя Игоря Святославича (или ему это звание было пожаловано чуть позже за великие услуги, оказанные в походе и в плену). Нового здесь ничего нет: таковым был только один человек – с именем **Лаврь** (=Лаворь = Овлурь), По матери он был русским, а по отцу – половцем, знал половецкий язык, был связным в отношениях между пленным князем Игорем и ханом Кончаком, потому что Игорь Святославич другом-сватом Атраковичем был обижен, оскорблен: предательство хана Кончака было безмерно – с точки зрения рыцарских правил, а всех мотивирующих моментов о вынужденном предательстве Кончака Атраковича Игорь не знал, и знать не желал! Через Лавра Кончак Атракович сообщил Игорю Святославичу о внезапном решении Гзы и его ханов-сообщников убить русского князя; через Лавра он сообщил Игорю об этом и устроил другу-побратиму побег из плена. Знал Лавр и о том, что будет преследование Игоря-князя, и о том, что Кончак-хан станет «*водить за нос*» Гзу (=Гзак = Исайю) во время Игорева бега и преследования его. Опасность и риск благодаря игре хитрого Кончака Атраковича и доверчивого до поры до времени Гзы были сведены на нет, и Гзак этим был несколько обеспокоен и даже, видимо, обижен на Кончака. Но половцы умели великолепно таить обиду...

*

Текст, произнесенный или пропетый Лавром оскорбленным слушателям, будет нами упомянут – в свое время, а пока поговорим о Втором певце-сказителе, который успокоил слушателей, сделав это, скажем прямо, мастерски. Его прозвище «**Ходына**» было на слуху и на языке у многих наших современников – любителей и исследователей «Слова о полку Игореве», и многие склонялись к мысли, что Ходына был автором «Слова». Особенно были убедительны, фундаментальны, изысканны в этом плане работы поэта и исследователя А.Ю. Чернова [4, т. 5, с. 207-208; 12].

И автор настоящей работы тоже писал о Ходыне как о создателе «Слова» [13] и был слегка (может быть, даже и не слегка) раскритикован в «Энциклопедии» о «Слове о полку Игореве» [4, т. 1, с. 32, 36]. Автор соответствующей критической статьи в упомянутой «Энциклопедии» Л.А. Дмитриев под-

шучивал над тем, что «проф. Тамбовск. пед. ин-та В.Г. Руделев» утверждает, что Ходына, будучи к XII в. глубоким старцем (125 лет), «*написал*» «Слова о полку Игореве». Все в этой шуточной реплике можно признать и принять, кроме одного: «тамбовский проф. В.Г. Руделев никогда *не утверждал* и не собирается *утверждать*, что Ходына (или еще кто-то) *написал* «Слова о полку Игореве». «Слова о полку Игореве» – принципиально *неписаное* произведение. Оно было волшебным произнесено и пошло гулять по свету. Рукководительница и режиссер Московского театра-лаборатории «Тембр» Ника Косенкова в свое время великолепно это все представила в спектакле «*Коллаж человеческих страстей*», где текст «Слова» передается по памяти возле ночных костров или во время полоскания белья женщинами в Днепре или Доне [14]. Тут же, конечно, рождаются ошибки вроде «*а не по замышлению Бояню*» вместо «*а по замышлению Бояню*», т. е. <и по замышлению Бояню>. Но в устной речи, в пении, их еще не так много. Иное дело, когда к тексту «Слова» прикасается рука переписчика. Тут уж *хоть святых выноси!* Тут и появляется миф о ритмической прозе [4, т. 4, с. 217-223; 15] и о том, что «Слова» кем-то *написано*, создаются легенды о фальсификациях и о том, что авторами этого гениального творения являются не слишком великие поздние литераторы вроде А.И. Мусина-Пушкина (1744–1817) [16] или даже Н.М. Карамзина (1766–1825) [17].

В одном из наших споров-разговоров, помнится, наш прекрасный друг, талантливый исследователь-филолог Ю.В. Бабичева неожиданно произнесла: «Мне безразлично в конце концов, *кто* написал «Гихий Дон». Важно, что это произведение *есть*». Вот и сейчас я думаю: Мусин-Пушкин – так Мусин-Пушкин, Карамзин – так Карамзин, лишь бы кто-то из них смог объяснить (и, если надо, исправить) непонятные выражения: «*ходы на*», «*дебрь Кисаню*» и почему у них такая неприязнь к великому *Бояну* (= *Будимиру*), на котором зиждилась вся древнерусская поэзия. Талант автора (или авторов) «Слова» во много раз выше даже таланта Н.М. Карамзина, автора незабываемой «Бедной Лизы», великолепно спародированной и Пушкиным, и Достоевским...

*

Итак, мы снова возвращаемся к нашей версии о **Ходыне** как авторе «Слова о полку

Игорева». Однако теперь мы говорим об этом человеке, певце-сказителе, лишь как об одном из авторов «Слова». Это был тот человек, который не являлся непосредственным участником похода Игоря Святославича в 1185 г., но в какой-то очень важной мере может его участником считаться. Он был оставлен Игорем-князем для сохранения в порядке его княжества, на которое зарились многие бесстольные князья и даже те, которые были поважнее самого Игоря. Он был очень близким человеком князя Игоря, надежным и верным его другом. Он был родным братом княгини Ефросиньи Ярославны. Ему можно было доверить, только ему одному! – судьбу юной княгини. Это был сын галицкого князя Ярослава Осмомысла Владимир Ярославич (1150–1198).

Насчет возможного авторства «Слова» именно князем Владимиром Ярославичем, имевшим прозвище «Ходына», было высказано несколько весьма весомых и убедительных рассуждений [18]. Нам сейчас важно понять, почему князь Владимир Галицкий, шурина князя Игоря, выступил в защиту Первого певца-гуслира и как он это сделал, и как продолжил «Слово = песню», довел ее до конца, предварив тем, что мы теперь зовем «Зачином».

*

Песня о печальном походе князя Игоря Святославича была нужна князю Владимиру Ярославичу для того, чтобы в поэтической (так ему было легче!) форме оправдать мужа сестры перед Киевским князем Игорем Святославом Всеволодовичем (1125–1194), который был его тестем, отцом жены Болеславы. Игорь был виноват перед Святославом, своим, кстати, двоюродным братом, за то, что пошел якобы «походом» на Кончака без благословения великого киевского князя. Князь Святослав Всеволодович вообще недолюбливал новгород-северского «высочку-князя» и понукал зятя как-нибудь досадить его шурина. Однако что взять с Поэта! Как внушить полезную истину любителю песен древнего Бояна? Но Бояна, кстати, сын известного князя-донжуана Чурила Пленковича (по крестильному имени-отчеству – Кириллу Флегонтовичу), великий князь Киевский Свято-

слав почитал и сам, потому и зятя ценил, не смотря ни на что.

А Ходыне (князю Владимиру Ярославичу) великий Боянь (по его галицкому выговору – Баянь) был дороже родного отца. Все песни помнил князь Владимир Бояновы, все тайны знал его соловьиного творчества и судьбу знал соловья Будимира, ослепленного Ярославом Владимировичем Мудрым за любовь к дочери Любаве (в крещении Елизавете) [7]. Настолько был близок вещий Боян князю Владимиру Галицкому, что считал Осмомыслович, прозванный Ходыной, древнего Соловья братом своим, отделенным от жителя XII в. беспощадным многомерным Временем. Потому и говорил часто: «*Рекъ Боянь и Ходына, Ярослава пѣснотворьца...*», упрощая временные пространства и, кстати, творческие разности.

*

...Усадил Владимир Ярославич, прозванный Ходыной, слухачей-воинов и прочих северских людей, разбредшихся кто-куда, и сказал, что «Песню» будут играть сначала. И запел:

*...Начати же ся той пѣсни
по былинамъ сего времени
а по замышленію Бояню...*

[«Вот как былины вы слушаете, – сказал он, наверное, – понимаете все, так и песню нашу поймете. Все у нас – по былинам нашего времени. И – как Боян замышлял. По его замышлению. Без болгарских вкраплений! Чтоб был наш старый русский язык. Как у Бояна. А иначе – зачем мы?»]

[«Ну, с Богом – дальше!» Это уж мы, наверное, говорим...]

*...Боянь бо вѣщи,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашеться мыслю по древу,
сѣрым вѣлкомъ по земли.
иизым орломъ подѣ облакы...*

[Здесь великий Ходына раскрывает тайну цветковых образов своего друга, брата, разделенного с ним Временем. Их, этих образов, три: желтая или коричневая *мысль-белка* – <символ ствола Молитвенного дерева Ели>, серый волк <символ шишек – пита-

ния белки, постижения *ореховых истин*>, сизый орел – символ *сине-зеленой кроны*. Таково мысленное (или молитвенное) дерево Бояна, таково оно, несколько преобразованное, и на современной Богородичной иконе «*Прибавление ума*», которой ныне взрослые заставляют молиться плохо успевающих детей. Божественная Ель у русских людей *убирается* и возжигается под Рождество Христово. В некоторых русских городах (например, в Смоленске) она не *разбирается* до Масленой недели, только огни на ней тушатся... [7].

*

Много еще интересных моментов можно обнаружить в «Зачине», созданном Вторым певцом-сказителем «Слова» по имени *Владимир*, а по прозвищу *Ходына*. Мы остановимся только на двух Бояновых началах волшебных его текстов:

*Не буря соколы занесе
Через поля широкая.
Не галици стада бѣжати,
Бѣжати къ Дону Великому...*

Или:

*Комони ржуть за Сулоу,
звонить слава въ Киевѣ,
трубы трубятъ въ Новѣградѣ.*

[Второе начало интереснее первого, поскольку оно позволяет дополнить ансамбль строчек еще одной строкой. И еще одной... Так образуется поэтический текст уже за пределами **Зачина**:

...Стоять стязи въ Путивлѣ...

Однако все, что будет за пределами «Зачина», станет предметом наших дальнейших разысканий...]

-
1. Руделев В.Г. Смысл и цель Половецкого похода северского князя Игоря Святославича в 1185 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 180-193.
 2. Руделев В.Г. «Песнь о полку Игореве» (1185 г.) – ярчайший памятник русского пра-

вославного христианства в его древнейшем Троицком обряде // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 7 (123). С. 229-236.

3. *Винокуров Б.З.* К истории похода князя Игоря на половцев. О Русская земле! // Культура речи и образование: сборник материалов регионального научно-методического семинара. Тамбов, 2007. С. 38-51.
4. Слова о полку Игореве: энциклопедия. СПб., 1995. Т. 1-5.
5. *Сулейменов О.О.* Аз и Я: книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.
6. *Куликова Е.В., Гончаров П.А.* «Живущие в утрате»: «травмированный» герой в прозе В.С. Маканина // Вестник Мичуринского аграрного университета. Мичуринск, 2013.
7. *Сафонова О.В., Руделев В.Г.* Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2010.
8. *Никитин А.Л.* Испытание «Словом» // Новый мир. 1984. № 5. С. 182-206; № 6. С. 211-306.
9. *Колесов В.В.* Историческая грамматика русского языка. СПб., 2008.
10. *Руделев В.Г.* Читая «Слово» (статьи: Рассуждение о «Зачине», Симаргл и др.) // Руделев В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Мифы о редуцированных: избранные произведения по историческому языкознанию. Тамбов, 2001. С. 120-167.
11. *Обнорский С.П.* «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 9-18.
12. *Чернов А.* «Говорил Боян и Ходына...»: Возвращаясь к отвергнутой версии // Литературная Россия. 1985. 20 сентября.
13. *Руделев В.* «Слово о полку Игореве» и его автор // Тамбовская правда. 1985. 17 окт.
14. *Руделев В.Г.* Коллаж человеческих страстей: спектакли Московского театра-лаборатории «Тембр» в Тамбове // Руделев В.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. В старом добром театре: избранные статьи о театре. Тамбов, 2000. С. 65-68.
15. *Picchio R.* On the Prosodic Structur of the Igor Tale // Slavic and East European Journal. 1972. Vol. 16. № 2. P. 154-157.
16. *Зимин А.А.* «Слово о полку Игореве»: источники, время написания, автор. М., 1963 .
17. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds // Anzeiger für Slavische Philologie. 1974. № 7. S. 128-145.
18. *Махновець Л.Е.* Про автора «Слова о полку Игоревім». Київ, 1989.

1. *Rudelev V.G.* Smysl i tsel' Polovetskogo pokhoda severskogo knyazya Igorya Svyatoslavicha v 1185 g. // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* Tambov, 2011. Vyp. 8 (100). S. 180-193.
2. *Rudelev V.G.* "Pesn' o polku Igoreve" (1185 g.) – yarchayshiy pamyatnik russkogo pravoslavnogo khristianstva v ego drevneyshem Troicheskoy obryade // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* Tambov, 2013. Vyp. 7 (123). S. 229-236.
3. *Vinokurov B.Z.* K istorii pokhoda knyazya Igorya na polovtsev. O Russkaya zemle! // *Kul'tura rechi i obrazovanie: sbornik materialov regional'nogo nauchno-metodicheskogo seminar.* Tambov, 2007. S. 38-51.
4. Slova o polku Igoreve: entsiklopediya. SPb., 1995. T. 1-5.
5. *Suleymenov O.O.* Az i Ya: kniga blagonamennogo chitatel'ya. Alma-Ata, 1975.
6. *Kulikova E.V., Goncharov P.A.* "Zhivushchie v utrate": "travmirovanny" geroy v proze V.S. Makanina // *Vestnik Michurinskogo agrarnogo universiteta.* Michurinsk, 2013.
7. *Safonova O.V., Rudelev V.G.* Nazvaniya zhivotnykh kak sredstvo sozdaniya geroicheskogo obraza (k rekonstruktsii i germeneyticheskoy obrabotke "Slova o polku Igoreve"). Tambov, 2010.
8. *Nikitin A.L.* Ispytanie "Slovom" // *Novyy mir.* 1984. № 5. S. 182-206; № 6. S. 211-306.
9. *Kolesov V.V.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. SPb., 2008.
10. *Rudelev V.G.* Chitaya "Slovo" (stat'i: Rassuzhdenie o "Zachine", Simargl i dr.) // *Rudelev V.G.* Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 5. Mify o redutsirovannykh: izbrannye proizvedeniya po istoricheskomu yazykoznaniiyu. Tambov, 2001. S. 120-167.
11. *Obnorskiy S.P.* "Slovo o polku Igoreve" kak pamyatnik russkogo literaturnogo yazyka // *Russkiy yazyk v shkole.* 1939. № 4. S. 9-18.
12. *Chernov A.* "Govoril Boyan i Khodyna...": Vozvrashchayas' k otvergnutoy versii // *Literaturnaya Rossiya.* 1985. 20 sentyabrya.
13. *Rudelev V.* "Slovo o polku Igoreve" i ego avtor // *Tambovskaya pravda.* 1985. 17 okt.
14. *Rudelev V.G.* Kollazh chelovecheskikh strastey: spektakli Moskovskogo teatra-laboratorii "Tembr" v Tambove // *Rudelev V.E.* Sbranie sochineniy: v 6 t. T. 4. V starom dobrom teatre: izbrannye stat'i o teatre. Tambov, 2000. S. 65-68.
15. *Picchio R.* On the Prosodic Structure of the Igor Tale // *Slavic and East European Journal.* 1972. Vol. 16. № 2. P. 154-157.
16. *Zimin A.A.* "Slovo o polku Igoreve": istochniki, vremya napisaniya, avtor. M., 1963.
17. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds // *Anzeiger für Slavische Philologie.* 1974. № 7. S. 128-145.
18. *Makhnovets' L.E.* Pro avtora "Slova o polku Igorevim". Kiiv, 1989.

Поступила в редакцию 14.11.2014 г.

UDC 882

DISCUSSION ABOUT "ZACHIN" (One more introduction in mystery text of "The Tale of Igor's Campaign")

Vladimir Georgiyevich RUDELEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor-consultant of Russian Language Department, Honored Worker of High School of RF, Member of Union of Russian Writers, e-mail: ifg06@mail.ru

Text of "The Tale of Igor's Campaign" was created at the end of XII century, originally it was not written down, but pronounced orally, then it was written down, and it led to significant deformation of original sense. From what managed to get back to original state it became clear that grabbing, robbing, sporty crusade of Seversky (Novgorod-seversky) prince Igor Svyatoslavich against Polovtsians (1151–1202) didn't exist. Prince Igor left Putivl at the contract with Polovetsky khan Konchak Atrakovich at the meeting with the last for making cooperative crusade to the ancient Russian orthodoxy capital Tmutarakan of Azovsk at the aim of making its free by force of the most important strategic aims at the basis of Byzantine documents, conveying the rights of prince Igor Svyatoslavich on Tmutarakan prince throne. The alliance of Polovetsky khans, headed by khan Isaya (Gzoy, Gzak) persuaded or made Konchak break the contract with Igor about the campaign for making free Tmutarakan and at the place of meeting of Konchak with Igor Russian prince and his army was met by the troop of Polovtsy warriors with provoked the facing and lured Russian warriors to the impassable swamp where they came from throwing under their feet rich trophies by which they were seduced by Polovtsy and now were reaping the victory. And further was captivity and escaping from it which made Konchak knowing that Igor is in danger of death. That is the end of sad knight history worthy of the most worthy poetic incarnations and those were made by two knights of word in order of which were the gifted students of legendary Boyan and his friend and brother (through Time!) prince Vladimir Yaroslavich Galitsky, called Honyda, brother of young wife of prince Igor Efrosinya Yaroslavna. This was not only great poet equal to incomparable Boyan. This was also a good knower of Russian language and Russian national people-orthodoxy culture suffering undoubted damage from the influence of ancient Bulgarian writing and traditions, connected with ideas of god fighting, staying in Bulgaria for some time after the victory on them of Byzantium. Investigated only the part of "The Tale of Igor's Campaign" but this is the most significant part of it – traditional "Zachin" in which were told the rules of poetic compositions

in the spirit of legendary Boyan. These rules let the great authors of “The Tale” Lavr and Khodyanya (Vladimir Yaroslavich Galitsky) in a little part of the poetic space place the big historic cloth full of genial thoughts equal to the greatest thoughts well-known in the world literature.

Key words: “The Tale of Igor’s Campaign”; Prince Igor; Khan Konchak Atrakovich.